

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ СЕМЬИ ЧИСТЯКОВЫХ

Жизнь и судьба города складывается из судеб людей, в нём живущих. Знаменитые горожане украшают легендарную историю героического Санкт-Петербурга – Ленинграда, но лицо его формируют простые люди. Это рассказ о семье Чистяковых – участниках войны и тружениках тыла, переживших войну, блокаду. Они тоже герои, потому что выжили и победили. Хотя сами свою жизнь не считали героической.

Чистяков Анатолий Григорьевич воевал во время финской компании на малом военном судне краснофлотцем, участвовал в высадке десанта под Выборгом. К началу Отечественной войны жил в Ленинграде на Гагаринской улице, был женат. Ушёл на фронт старшим краснофлотцем. Их канонерская лодка ходила по Ладожскому озеру между осаждённым Ленинградом и «Большой землёй». Из города вывозили людей, обратно везли продовольствие, медикаменты, снаряды. Немецкая авиация нещадно бомбила суда.

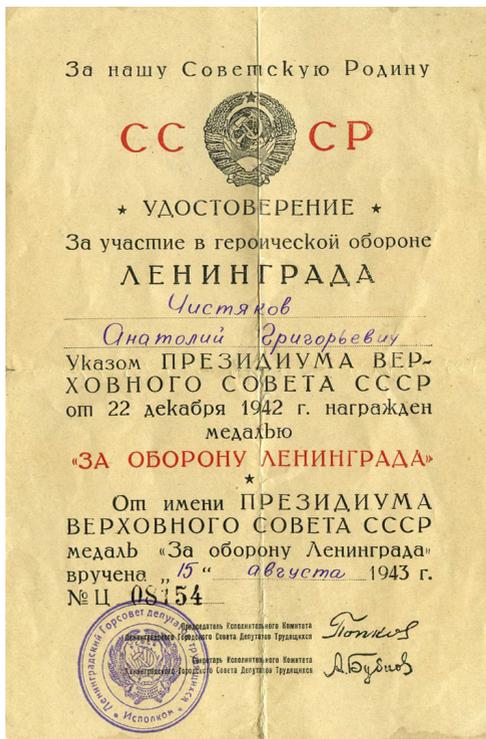
Был ноябрь 1941 года, Ладога затягивалась льдом. Однажды снарядом разбило лодку. Матросы прыгали в ледяную воду, Анатолий Григорьевич замешкался и не успел надеть жилет. Судно быстро тонуло. На борту остались два радиста, – они успели подать сигнал бедствия, и с ними капитан, – на прощанье он махнул рукой и простился с командой. Немецкий самолёт кружил над обломками лодки и расстреливал людей. Анатолий Григорьевич снял с убитого спасательный жилет и поплыл «куда глаза глядят». На помощь погибающим подошёл морской катер и поднял на борт оставшихся в живых 12 матросов, двоих выловили мёртвыми. Анатолия Григорьевича без сознания сняли с кромки льда, поползти до земли у него не хватило сил.

После госпиталя Анатолия Григорьевича направили на береговую артиллерийскую батарею возле посёлка им. Морозова. Орудие – двухствольная башня, снятая с корабля, была по Шлиссельбургу, в котором засели фашисты. Все оборонительные и наступательные операции поддерживались огнём морских артиллеристов, – это были

Синявинские высоты, которые немцы окружили минными полями, Невский пятачок, где шли наиболее ожесточённые бои. Анатолия Григорьевича направили в крепость Орешек, где он корректировал огонь батареи. Много раз немцы пытались захватить «крепкий» Орешек, но он оказался им не по зубам. Анатолий Григорьевич был контужен, отлежался в госпитале и вновь вернулся в строй. Он вспоминает, как однажды бежал к своему оружию от воронки к воронке, по нему стрелял немецкий пулемёт, к счастью, не зацепило, только подол шинели оказался в дырках от пуль. Шинель пришлось укоротить. Вот такое оно – фронтовое счастье.

Войну Анатолий Григорьевич закончил в Прибалтике, награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1947 году демобилизовался, вернулся в Ленинград, к семье. Но чувства не пережили тяготы войны, семья распалась. Устроился водопроводчиком в ТЮЗ на Моховой улице. А потом произошла судьбоносная встреча с Ефросиньей Дмитриевной Кабишевой, с которой прожил долгую, счастливую жизнь.

Кабишева Ефросинья Дмитриевна перед самой войной вышла замуж. Муж – офицер, работник военкомата. Хорошая квартира возле Кировского завода. Ждали первенца. Началась война. Муж ушёл на фронт и погиб в первых боях. Ефросинья Дмитриевна работала на прядильной фабрике. Немцы приближались к Ленинграду. Жителей города отправили под Лугу на строительство оборонительных сооружений. От непосильной работы Ефросинья Дмитриевна потеряла ребёнка. На том рубеже она похоронила младенца. После больницы

вернулась домой, устроилась работать на прядильную фабрику на Выборгской стороне, но проработала недолго, закончилось сырьё, началась блокада, фабрику закрыли. И тогда Ефросинья Дмитриевна поехала на лесозаготовки на станцию Борисова Грива. Заготавливала стройматериалы для фронта, для строительства укреплений и землянок, дрова для города. Фронтовой паёк – 500–600 грамм хлеба. Работа неженская, тяжёлая, но можно собирать ягоды, зелень, грибы. Так и пережила блокадное лихолетье. После прорыва блокады вернулась в город, вновь устроилась на прядильную фабрику. Дом, где жила раньше, разбомбили, осталась без жилья и вещей, но вскоре получила комнату в коммунальной квартире на Петроградской стороне. Трудовые заслуги были высоко оценены: Ефросинья Дмитриевна Кабишева награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Наступили мирные дни, молодой вдове хотелось семейного счастья, детей. Она познакомилась с Анатолием Григорьевичем

Чистяковым. Два одиноких человека создали семью, отогрелись душой. В 1951 году у них родился сын Борис. Пришло время, и Бориса призвали на военную службу, специальность — сапёр. И удивительное совпадение — сын разминировал те самые Синявинские болота, напичканные минами, неразорвавшимися снарядами, мёртвым «железом», останками людей, — места, где когда-то воевал отец! Ещё долго земля будет по крупицам выдавать военные трофеи, а мы хоронить в братских могилах безымянных солдат.

Борис Чистяков на минном поле

Чистяков Павел Сергеевич в Финскую войну 1939–1940 годов воевал на Карельском перешейке. Вспоминал об этой войне с горечью, рассказывал о больших потерях плохо экипированных и слабо обученных военному делу красноармейцев. После демобилизации работал на Сестрорецком инструментальном заводе водопроводчиком. Женился. Мирная передышка длилась недолго: в июне 1941 года его призвали на Ленинградский фронт в эксплуатационную железнодорожную роту,

Ефросинья Дмитриевна и Анатолий Григорьевич прожили долго и счастливо 26 лет. Скончался Анатолий Григорьевич в 1975 году в день своего шестидесятилетия, Ефросинья Дмитриевна ушла из жизни в 2005.

ему было 26 лет. Военная специальность – путеец. Когда вокруг города сомкнулось кольцо блокады, обслуживал железнодорожную ветку Ржевка – Ладожское озеро. Особенно тяжело было в первую зиму: жили в землянках, пухли от голода, варили кожаные ремни, голенища сапог, болели. После снятия блокады рота в составе Ленинградского фронта продолжила путь на запад. В 1945 году из Прибалтики его перебросили на Забайкальский фронт. День Победы Павел Сергеевич встретил на Дальнем Востоке.

Чистяков П.С. награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу

над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией».

В 1947 году Павел Сергеевич демобилизовался, вернулся домой, но оказался лишним. Жена, похоронив их общего ребёнка, создала другую семью. В войну бывало и такое: не все хранили верность.

Надо было где-то жить. Павел Сергеевич устроился слесарем-водопроводчиком в домоуправление на улице Петра Лаврова, (сейчас Фурштатская), получил жильё. Здесь он встретил новую любовь Копейкину Зою Петровну.

Копейкина (урожд. Устинова) Зоя Петровна работала в домоуправлении на улице Петра Лаврова. Всю войну молодая женщина оставалась в Ленинграде, работала в паспортном столе, занималась учётом граждан: родившихся, умерших, эвакуированных, распределением продуктовых карточек, размещением переселенцев с прифронтовых окраин города, выдачей пропусков для передвижения по городу. Совместно с милицией следила за порядком на улицах, контролировала дежурство на крышах и затенённость окон во время бомбёжек, после обстрела обходила дома, выясняла – кто нуждается в помощи.

В 1943 встретила Георгия, техника лётного состава, офицера. Вышла замуж. В 1944 году за день до полного снятия блокады родила сына, Виктора. Зоя Петровна награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После окончания войны мужа направили в город Бийск. Зоя Петровна за мужем не поехала: маленький ребёнок на руках, сама

Павел Сергеевич Чистяков (справа) с семьёй

нездоровая, да и с родным городом, в котором столько пережито, жаль расставаться. Семейная жизнь с Георгием закончилась.

Однажды судьба подарила ей встречу с Чистяковым Павлом Сергеевичем. Она – весёлая, общительная, он – участник войны, работающий, мастеровитый, играл на гармошке, гитаре, балалайке. Приглянулись друг другу, стали жить вместе, дружно и весело. В 1952 году родилась дочь Ольга.

Но прожили вместе недолго – шесть лет. Зоя Петровна тяжело заболела, сказалося испытание блокадой, скончалась в 1955 году, ей было всего 37 лет. Павел Сергеевич умер в 1975 году, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж.

Цирг (урожд. Чистякова) Антонина Сергеевна, сестра Чистякова Павла Сергеевича. Перед войной вышла замуж за Потёмкина Михаила Андреевича, растила дочь Нелли, работала на прядильно-ниточной фабрике. В первые дни войны муж ушёл на фронт, был тяжело ранен и скончался в госпитале в посёлке Песочном Ленинградской области. Там же захоронен на братском воинском кладбище.

Двухлетнего ребёнка Антонина Сергеевна отправила с детским домом в город Котельнич Кировской области.

Девочку отыскала и вывезла в город Солигалич её тётка Валентина, сама ещё подросток. Нелли осталась жива, её выходила бабушка Анна Павловна.

В здание фабрики, где работала Антонина Сергеевна, попал снаряд. Антонину Сергеевну контузило, она получила тяжёлую травму головы. Подлечившись в госпитале, вернулась к ткацкому станку.

Антонина Сергеевна награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

*Валентина с матерью
Анной Павловной*

Кончилась война, началась мирная жизнь, в город возвращались ленинградцы. Антонина Сергеевна привезла домой дочь Нелли. Счастье ей улыбнулось: встретила Николая Павловича Цирга, вышла замуж. Но долгой семейной жизни не получилось: начались репрессии. Николая Павловича арестовали, Антонину Сергеевну не раз вызывали на допросы в «Большой дом» на Литейном, 4. Здоровье Антонины Сергеевны не выдержало: сказались голод, контузия, нервные потрясения, началась тяжёлая душевная болезнь. Благодаря заботе и уходу дочери Нелли, она прожила долгую жизнь, скончалась в 1983 году в возрасте 70 лет.

Нелли Шмелёва (Потёмкина) с братом Юрой

Память о военном лихолетье записана в генетическом коде ленинградцев, на стенах старых домов, городских кладбищах, она читается в строгих лицах блокадников и защитников города – героя Ленинграда.

БЛОКАДНАЯ МЕДСЕСТРА

**Посвящается юной медсестре
Назаровой Валентине Степановне
и другим медицинским работникам
блокадного Ленинграда,
совершавшим ежедневный подвиг
во имя жизни**

Летом 1941 года ленинградцы еще не знали, какая им уготована судьба. Валентина Степановна Назарова, успешно закончив школу, поступила в Ленинградский горный институт им. Плеханова на металлургический факультет. Летом студенты отправлялись на производственную практику. Поехала и Валентина в город Мончегорск осваивать металлургическое производство. Война застала студентов в дороге. В город прибыли рано утром. Здесь уже началась мобилизация на фронт. «На вокзале мы увидели много мужчин с вещмешками, плачущих женщин, провожающих мужей, сыновей на фронт». О возвращении в Ленинград не было и речи: видимо, предполагалось, что война вот-вот закончится. Студенты начали работать на обогатительном комбинате «Североникель». По радио передавались неутешительные сводки с фронтов. Судьба страны в это время решалась под Москвой, немцы подошли к столице и стягивали для контрнаступления основные силы. Не менее ожесточённые бои шли за Ленинград. Войска ленинградского фронта отступали, теряя одну позицию за другой, попадали в окружение. Город оказался в кольце вражеских фронтов.

Может быть, у советской стороны существовал план вывода войск и сдачи Ленинграда врагу без боя, чтобы спасти население и армию, например, как это сделал Париж и другие города Европы? Нет, такого плана быть не могло. Правда, сейчас не редкость услышать такое мнение. Скорее всего, радители за добровольную сдачу города стратегической важности плохо владеют исторической информацией, им не знаком план Гитлера о полном уничтожении населения. В директиве № 1601 от 22 сентября 1941 года «Будущее города Петербурга» говорилось: *«Стереть город Ленинград с лица земли! Мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населе-*

ния». Задача: не допустить неприятеля в город, стоять до победного конца была выполнена, удалось остановить противника и удерживать его на этих позициях до полного снятия блокады.

Валентина Степановна вспоминает, что война затянулась, студентов решили отправить в родной город: «Ленинград нас встретил кромешной темнотой. Не было света. Не было воды, не ходил транспорт. Строго соблюдалась светомаскировка. Было налажено дежурство на улицах, на крышах зданий дежурили женщины и подростки, они тушили «зажигалки» в ящиках с песком. Скульптуры в Летнем саду, на набережной Невы закладывались мешками с песком, закрывались специально сколоченными ящиками. Шпили Адмиралтейства, Петропавловской крепости, Исаакиевского собора и сами здания покрывались серой краской, чтобы не быть заметными с воздуха. И всё же немцы прекрасно знали расположение этих объектов, а также госпиталей, школ, детских домов, музеев, театров, заводов и уничтожали их в первую очередь».

Валентина Степановна продолжает: – «Мы собрались в родном институте, было оживлённо: каждый хотел быть полезным в такой напряжённый момент для Родины. Юноши спешно уходили в ополчение, а девушки – на трудовые работы. В институте создавалось секретное спецподразделение из числа студентов и преподавателей по производству взрывчатых веществ и противотанковых мин». Валентина с подругами получила направление на строительство оборонительных сооружений. «Мы рыли лопатами и ломом окопы и противотанковые рвы под Гатчиной и Кингисепом, на себе возили плиты, впрягаясь в телеги, жили в шалашах, питались чечевицей. Фашисты нас хорошо видели и бомбили на бреющем полёте. Первое боевое крещение я получила, когда затрещала пулемётная очередь, над головой пролетели пули. От неожиданности сковало всё тело, я не успела спрятаться в окопе, так и простояла, пока немецкие самолёты не улетели. Фашисты занимали всё новые территории Ленинградской области. Рытьё окопов больше не потребовалось. Мы отступали в город вместе с войсками».

Первая массированная бомбежка Ленинграда была 8 сентября 1941 года. Страшным был налет вражеских самолетов 19 сентября: город бомбили 18 часов подряд. Спешно создавались народные дружины, в домах – группы самозащиты. При звуке тревоги жильцы дома бежали на крышу и тушили зажигательные бомбы. Зимой ударили морозы, замерз водопровод: – «Измученные и голодные, мы шли с бидонами и чайниками к Неве и к Фонтанке. В квартире было

нестерпимо холодно. Мы ломали мебель, чтобы развести огонь и вскипятить на кирпичках хотя бы кружку воды. А мучительный голод нечем было утолить». Валентина Степановна продолжает: «Трамваи не ходят. Люди, словно скелеты, неторопливо бредут по улицам: унылые, голодные, говорят только об одном – еде. Нет подвоза продуктов. Дома не отапливаются. И бесконечные обстрелы. Люди умирают от истощения».

Валентина поступила на курсы медсестёр, учиться можно было без отрыва от работы на оборонительных объектах. После окончания учёбы получила направление на работу и военный билет. Девушку направили в военный эвакогоспиталь, расположенный в здании дворца культуры им. Кирова на Васильевском острове. И началась борьба за жизнь – за свою и раненых бойцов: – «Мы понимали, что наша главная задача – помочь фронту отстоять город, выходить раненых и победить врага». Девушка выхаживала раненых, сама чудом спаслась от смерти. Врачи и медицинский персонал работали сутками, не зная отдыха: на машинах – полторках круглосуточно привозили раненных бойцов. Линия фронта проходила на окраинах города. Солдатам приходилось воевать в условиях блокады.

Валентина Степановна продолжает: – «Когда силы совсем покидали, мы спали урывками, не раздеваясь. А раненых поступало всё больше и больше. Обстрелы и бомбёжки почти не прекращались. Мы поднимались на крышу госпиталя и сбрасывали на землю зажигательные бомбы, тушили пожары. Здания с красным крестом – госпитали, бомбили особенно часто. Госпиталь не отапливался, не было света, операции делались при коптилках, если был керосин, а то и при свечах. Электростанция, несмотря на ухищрения фашистов,

уцелела. Когда в город подвозили топливо, тогда давали слабый свет, который был так необходим в операционной. Но это было недолго».

Кроме хлеба никаких продуктов не было, его выдавали раненым и медперсоналу по 250 гр. в день: – «Такого хлеба мне не приходилось есть больше нигде. Он был тяжёлым с горьким привкусом. Иногда к этому рациону добавляли соевое молоко. Голодные, злые раненые не переставали требовать добавки: чаю, соли, воды, одеял, тепла. А взять негде. Еды было мало, зато вшей много».

Рабочий день в госпитале был бесконечным: «С утра мне надо было растопить буржуйку, налить горячей воды в операционную. Наколоть длинных лучин, свернуть фитили – факелы для вечернего обхода. Поскольку окна были забиты и занавешены, в комнатах даже днем было темно. Я строгала лучинки и факелы и светила врачам. Из мужской нижней рубашки мне приспособили халат. Иногда во время врачебных обходов я засыпала в палатах, меня тормошили, и я светила дальше. Эти воспоминания не затмила последняя лампочка, погасшая в операционной. Когда отключали электричество, замерзала вода, но операции продолжались».

Самой трудной была зима 1941–1942 годов: – «Новый 1942 я встретила на больничной койке: заразилась инфекцией от умерших бойцов. Я так мечтала о кусочке сахара, который бы таял во рту! Электричества не было, отопление тоже. В таких условиях к утру в палатах умирало до 35-40 человек. Хлеба в эти дни давали всем по 125 грамм. Санитары теряли способность носить раненых. Начали умирать санитары, за ними медсестры, потом и врачи. Началась дистрофия, голодные поносы и обмороки».

Валентине Степановне вспоминается встреча матери и дочери, такой же медсестры, как и она сама. «Голодная женщина, ежедневно проделывая длинный путь, навещала дочь и приносила ей суп из

столярного клея. Потом она прокалывала себе палец и давала свою кровь дочери. Но это не спасло девушку, она умерла».

Но были и радостные моменты: по большим праздникам по «Дороге жизни» привозили больше продуктов. Так 1 мая 1942 года население получило царский подарок: сахар – 200 гр., селедка – 200 гр., чай – 25 гр., крупа – 200 гр., водка – 250 гр., пиво – 0,5 л., сухофрукты – 150 гр. Дети вместо спиртного получили по 50 гр. какао с молоком. Хлеба в этот день давали по 300 граммов, а заводским рабочим и солдатам – по 500. Все знали, что доставка продуктов стоит неимоверных усилий, но людям от этого не легче, умирать никому не хотелось. Когда лёд на Ладожском озере окреп, рацион питания улучшился: – «В госпитале утром давали немного черных макарон, кусочек сахара и 50 г хлеба. В обед – суп из воды с какими-то листьями, на второе – каша, иногда кусочек мяса и 100 г хлеба. А в ужин снова чёрные макароны или каша и 100 г хлеба. Был горячий кипяток, без сахара. Рацион скромный. Но по сравнению с тем, как питается гражданское население, это терпимо».

Голод заставил слабых духом перейти границу человеческого: – «Участились случаи продажи человеческого мяса. О том, что едят собак, кошек, говорили совершенно открыто, лаборантка съела 12 подопытных крыс, кто-то съел подопытных морских свинок...». Но вот поразительно: семена селекционных злаковых культур, собранных до войны академиком Н.И. Вавиловым, умирающие с голоду сотрудники института растениеводства, сумели сохранить.

А Валентина Степановна продолжает: «В госпитале было темно, холодно и грязно. Воды мало. А больные все прибывали с фронта: истощенные, отечные, голодные. Больных в отделении было больше, чем надо. Лежали в коридорах, на носилках, на полу. И только три коптилки, вот и весь свет. Пищу раздавали в темноте, ели тоже в темноте. Медсёстры от голода вялые, одетые в большое количество одежды, валенки, варежки, которые не спасали от холода. Больные стонали, звали, они лежали в своих испражнениях. Мы подмывали их, стирали в холодной воде бинты, грязные кальсоны».

В обязанности медицинского персонала входило многое: нужно было мыть полы, на это уходила почти вся ночь, топить печь, иногда разрешали мыть посуду, тогда можно было вылизать котёл, в котором готовили еду для раненых. «Однажды я упала в обморок, меня во время заметили, отнесли в палату и несколько дней подкармливали. Домой после этого я уже не возвращалась – там было холодно. Но не только голод «косил» ленинградцев. Весной 1942 года началась

эпидемия брюшного тифа, а затем и сыпного. Не избежал этой заразы и наш госпиталь. Простыни и бинты приходилось всё время стирать. Но и холодной воды не хватало, ледяную воду кадушками на машине или на санках привозили с реки Невы. Много сил уходило на борьбу с разными паразитами, которые от грязи быстро размножались. Контуженные бойцы по ночам «ходили в атаку», раненые кричали. Но как облегчить их страдания, если не хватало инструментов, лекарств, перевязочных материалов? Умерших складывали штабелями в коридоре, потом переносили в сарай, поскольку похоронить в мёрзлую землю невозможно. А весной рыли братские могилы.

В худшем положении было гражданское население: умерших родственников на кладбище везли без гробов, привязывали их к саночкам, складывали прямо на снег, так как некому было копать могилы.

«Во время бомбёжек мы выносили тяжелораненых на носилках на улицу или в подвал, кто мог, ползли сами. Бойцы получали вторичное ранение. Многие погибали».

«В дни затишья мы перечитывали бойцам их старые письма с «большой земли», с которой связи подолгу не было. Говорили о сражениях на передовой, мечтали об открытии Второго фронта, о победе, в которой никто не сомневался. Однажды мне удалось выбраться из госпиталя, пешком добраться до музыкального театра и послушать «Баядеру».

Зрители не раздевались. Начался обстрел, но представление продолжалось, никто из зрителей и артистов, одетых в лёгкие театральные костюмы, не покинули театр». Все спектакли тогда шли в уцелевшем от обстрелов Драматическом театре им. Пушкина, сюда же перебрался и театр музыкальной комедии, поскольку все остальные театры были разрушены.

8 марта 1942 года удалось отметить женский праздник: все свободные от дежурства разложили на столе кусочки хлеба и запивали его кипятком. Мечтали о том, что по-настоящему удастся отметить праздник после войны, которая скоро закончится: – «Я, в прошлом спортсменка, решила развеселить компанию и хотела встать в стойку

на руках. Когда-то я была призёром института по спортивной гимнастике. Но развеселить не получилось, сил не хватило, я упала. Ну что же, после войны обязательно получится, – пообещала я».

Валентина Степановна вспоминает радостное событие: «В марте 1942 года госпиталь впервые с начала войны получил разрешение вымыть бойцов. Но оказалось, что это не по нашим силам. Раненых приходилось перетаскивать к моечному отделению, раздевать, мыть, снова одевать и транспортировать на койку. Теряли сознание раненые, теряли сознание и медсёстры». Было и другое счастливое событие: ленинский субботник 22 апреля 1942 года: – «Представьте себе блокадный Ленинград – воды нет, канализации нет, света нет. Блокадная зима прошла, снег растаял, сколько нечистот скопилось на улицах. Все, кто мог двигаться, вышли на субботник. А потом по радио сообщили: «город наш умылся»».

Голодные женщины, подростки сумели привести в порядок родной город. И в этом есть героизм. С первым теплом стала пробиваться травка в садах, на улицах и на траншеях, пошли трамваи, открывались магазины. Жизнь продолжалась! Дожить бы только до победы!

Валентина ничего не знала о судьбе близких. Её родители перед войной работали в Москве, вестей от них не было. А сил оставалось всё меньше: – «Наступил момент, когда выполнять работу я не могла. И тогда меня демобилизовали по болезни – дистрофия. Мне выдали военный билет, сто шестьдесят семь рублей, карточку вещевого снабжения, аттестат продовольственного снабжения, по которому полагалось 600 граммов хлеба и 20 гр. сахара. Я стала готовиться к эвакуации».

С подругами Ниной и Верой Валентина выехала по льду Ладожского озера: – «Перед самым отъездом я заразилась сыпным тифом. Как удалось выжить, не знаю, но хорошо помню, как ехала через Ладожское озеро. На бреющем полёте немецкие самолёты обстреливали машины, где в открытых кузовах грузовиков, тесно прижавшись друг к другу, сидели люди. Лёд в марте месяце уже начал подтаивать, от вражеских бомбёжек растрескался, машины тонули. Из ста машин добирались до места назначения только двадцать. Перед нами шла машина, в которой мать прикрывала собой детей. Неожиданно машина пошла под лёд. Мать прижала к себе дочь, а мальчика лет трёх выбросила на лёд. Больше никому спастись не удалось. Мокрого, продрогшего ребёнка мы подобрали и посадили в нашу машину, а

потом отправили с другими детьми в детский дом. В пальто нашли записку, мальчика звали Всеволод Касьянов. Поразительно, но через много лет мы встретились с ним».

Эвакуированных сажали в товарные вагоны и везли на Волгу, в Казахстан, в Сибирь. Перед посадкой хорошо кормили, только после обеда из сухарей, сгущёнки и каши становилось плохо, и не все смогли продолжить путь. В поездах люди умирали, на остановках их выносили из вагонов: – «Вагоны были переполнены, мы сидели на полу, тесно прижавшись друг к другу. К еде привыкалось трудно. Первая еда запомнилась на всю жизнь – это была мороженая луковица».

Но куда ехать дальше? Подруги решили, что будут вместе искать родителей Валентины. Отец до войны работал горным инженером. Предприятия из столицы были переведены. Но куда? И подруги решили начать поиск с Новосибирска. Там родителей не оказалось. Поехали у Усть-Каменногогорск – в Казахстан, где до войны отец бывал в командировках. Но и здесь поиски не увенчались успехом. Уставшие девушки присели на скамейку в скверике. Почему-то захотелось мужчине солидной внешности расспросить, не знает ли он Степана Ивановича Назарова. Удивительно, но прохожий хорошо знал Назарова С.И. И даже работал с ним вместе. Незнакомец позвонил по телефону и сообщил отцу о приезде дочери, а потом повёл девушек к себе домой и накормил досыта, да так, что они потом расплачивались желудочными болями. Пароходом по Иртышу он отправил девушек к месту назначения. Оправившись от трудного пути, Валентина устроилась работать в лабораторию на прииске Тарын. С благодарностью вспоминает Валентина Степановна незнакомца: – «С тех пор, бывая в командировках в Казахстане, я всегда прихожу в сквер «Джамбул», чтобы вспомнить того человека и поблагодарить судьбу за эту встречу».

После снятия блокады в январе 1944 года Валентина получила разрешение на въезд в родной Ленинград для дальнейшей учёбы в институте. Ехала через Москву. Москва быстро отстраивалась, здесь уже не было руин, радостные люди праздновали приближение победы. И девушка решила поступить в московский институт цветных металлов им. М.И. Калинина на экономический факультет. А потом начались проблемы со здоровьем, врачебная комиссия признала Назарову В.С. недееспособной, ей нельзя было ходить, противопоказана всякая физическая работа. Другая бы сложила руки, но только не Валентина Степановна. Наоборот, она стала много двигаться,

хорошо училась, успешно изучала экономику. И получила направление на завод полиметаллов, где многие годы работала в металлургической лаборатории. Здесь её нашла юбилейная медаль к 20-летию победы в Великой Отечественной войне.

Долгие годы блокадники мало общались между собой, разговоры о блокаде не поощрялись. И только в 1990 году группа энтузиастов создала «московскую ассоциацию ленинградских блокадников», председателем которой стал подполковник Всеволод Викторович Касьянов. Тот самый замерзающий ребёнок, которого мать выбросила из тонущей машины на лёд Ладожского озера.

Блокадники ежегодно отмечают два главных события: день памяти начала блокады 8 сентября 1941 года и её окончания 27 января 1944 года. На встречи съезжались дорогие гости: телеведущая Валентина Леонтьева, актриса Любовь Соколова, советский поэт Юрий Воронов, поэт, танкист, который в боях за Ленинград горел в танке – Сергей Орлов.

В.С. Назарова прожила большую и интересную жизнь – 90 лет. Недавно её не стало. С гордостью она показывала друзьям и знакомым дорогие её сердце правительственные награды: Орден «Отечественной войны» II степени, медали: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», медаль имени Жукова, «Ветеран труда», «Ветеран атомной энергетики и промышленности», почётный знак «Житель блокадного Ленинграда».

Пережитые страдания тяжело вспоминать, но и забыть невозможно. Только вера в победу помогла им выстоять и выдержать испытания длиной в 900 дней. И день победы настал! 27 января 1944 года в Ленинграде был произведён салют в честь полного освобождения города-героя. В январе 2019 года страна отметила 75-летний юбилей этой исторической даты.

*Записано со слов Назаровой
Валентины Степановны.
Фото из архива Назаровой В.С.
и музея Оборона Ленинграда*

ПОЧЕМУ НЕ СЪЕЛИ БЕГЕМОТА?

**Как спасали зоосад
в блокадном Ленинграде**

Это рассказ о жертвенном подвиге работников ленинградского зоопарка, сумевших спасти диких животных, которые пережили трагедию блокадного Ленинграда наравне с людьми. Около двухсот особей птиц и животных удалось спасти. Всю блокаду зоосад работал для детей.

До войны зоосад насчитывал около полутысячи жителей дикой природы. Звериный сад был любимым местом отдыха ленинградцев. Суровая зима 1941–42-х гг. довершила то, что было начато фашистами. Лишений хватало на людей и на зверей. 10 сентября начались непрерывные бомбёжки вражеской авиации, продолжались они до конца блокады. Немецкий бомбардировщик сбросил на зоосад три фугасные бомбы. Одна взорвалась возле слоновника, убила сторожа и смертельно ранила индийскую слониху Бетти. Всеобщая любимица проживала там с 1911 года. Трубные крики и стоны раненого слона слышала вся округа. Слониху не съели голодные сотрудники, а захоронили тут же. Что-то забылось за 75 послевоенных лет, но о гибели слонихи помнят, и не только архивы, но и сердца человеческие.

Другой снаряд попал в вольер с молодым, погибли дрессированные медвежата и лисята: эти зверята давали представления в детских садах, в школах и больницах. Остальные животные разбежались кто куда. Сотрудники зоосада опасались, что голодные звери нападут на людей. Их долго ловили и заперли в вольерах.

Перед войной шестьдесят обитателей зоосада отправились на гастроли в Белоруссию, зверинец разместился в Витебске. Здесь животные показывали свою диковинную красоту, а дрессированные зверята давали представления для детей. С первых дней войны немцы нещадно бомбили Витебск. Работники зоосада сумели найти товарняки и вывезти животных в тыл. Но не всех. В числе «гастролёров» был американский крокодил. Транспортировать теплолюбивого крокодила оказалась невозможным: для этого требовался специально подготовленный вагон – бассейн. И тогда было принято решение: выпустить крокодила в Западную Двину. Что с ним было дальше? Никто не знает. Может быть, заграничный долгожитель (а живут крокодилы 100 лет и больше) хорошо обосновался в реке и живёт там себе припеваючи?

80 самых грозных и ценных обитателей успели переправить в Казань. Перевозить крупных животных было чрезвычайно сложно: недовольные медведи и гориллы, львы и тигры отчаянно сопротивлялись, товарных вагонов не хватало, – они нужны были для фронта, да и работников зоосада было немного. Но всё обошлось благополучно. На новое место жительства переехали чёрные пантеры, ягуар Феликс, носорог Милли, белые медведи, американский тапир, крупные обезьяны, тигры, львы.

В зверинце оставили молодняк и самых безобидных животных: около двух сотен зверей и птиц. Все думали, что война вот – вот закончится. Но этого не случилось. Зоосад для ленинградцев был окном в иной мир – в мир диковинной природы. И не только: посмотрите на фото: лица взрослых и маленьких посетителей светятся радостью от общения с красивыми и сильными, доверчивыми и забавными его обитателями.

Животные очень боялись бомбежек: копытные в панике метались по загону, медвежата сердито рычали, птицы забивались в угол, бегемотиха по имени Красавица трубила во весь голос и пряталась в бассейне с водой. Откуда бегемоту было знать, что вода – ненадёжное убежище? Тигрёнок Котик уходил в свой домик с чувством собственного достоинства, и только любопытная серна забиралась на горку и не уходила до конца обстрела: бесстрашная коза наблюдала за злодеяниями фашистов. Однажды во время бомбёжки перепуганный бизон стал метаться по загону и провалился в воронку от снаряда. Люди не могли вытащить его, им пришлось соорудить настил и выманить оттуда отчаявшееся животное пучками сена. Бизон благополучно выбрался. Но оказалось, что фашистам этих бомбёжек

недостаточно, они знали, что убивают животных. Перед ними была поставлена цель: стереть «злой», непокорный город с лица земли, а его жителей полностью уничтожить. А с ними и зверей. Через несколько дней немецкий «мессершмитт» вновь бросал бомбы на зоосад, тогда ранило оленей и козу. Сотрудники делали перевязки животным, кормили хлебом из своего пайка. На этот раз животные поправились. Но во время следующего налёта фашисты не пощадили ни оленей, ни бесстрашную козу, ни бизона, ни тигрят. А с ними погибли пони и ослы, обезьянки и антилопы. Зоосад лежал в руинах. Своими силами его начали восстанавливать.

Зимой 1941 года наступило самое тяжёлое время, когда прекратилась подача электроэнергии, замёрз водопровод. Люди и звери погибали от голода, холода и разрыва снарядов. Не ушедшие на фронт и на оборонительные работы сотрудники зоосада всеми силами сберегали своих подопечных. Кольцо блокады замкнулось, прекратились поставки продуктов, а с ними – отходов круп, жмыхов и хлебного лома для зверинца. Чем кормить птиц и диких животных? Сначала подбирали на улицах убитых снарядами лошадей, на полях собирали гнилые овощи. Но постепенно город проваливался в темноту и голод: лошадей, коз, собак, кошек, голубей съели. И тогда стали собирать желуды, рябину, листья, заготавливать сено на покосах, по всему городу серпами жали траву. Все освободившиеся загоны, газоны парков превратили в огороды. Но и этого не хватало на всю звериную братию. Да и как объяснить животным, что идёт война и надо потерпеть, как терпят люди? Пришлось переводить хищников на необычную для них растительную пищу: смесь из овощей и травы. С большим трудом животные привыкали к вегетарианской пище: упрямые обезьяны ворчали, медведи рычали, а тигрята вообще отказались от картофельно-капустной диеты. Тогда пошли на хитрость: старые шкурки кроликов набивали травой и смазывали рыбьим жиром. Тигрятам запах рыбьего жира понравился, они поедали тушки, превращаясь в хищных вегетарианцев. Так же кормили и хищных птиц, только в смесь добавляли немного рыбы. Долго сопротивлялись новой диете птицы. Изголодавшиеся орлы и грифы наконец согласились есть вымоченную солёную рыбу. Только беркут оказался несговорчивым: не хотел есть сушёную воблу, пришлось ловить для него крыс.

Беременную самку гамадрила Эльзу в эвакуацию не отправили: боялись, что долгая дорога плохо отразится на её здоровье. В ноябре 1941 года она родила детеныша. У истощенной мамыши не было

молока. Как спасти малыша? За помощью обратились в ближайший родильный дом. Может быть, это покажется странным, но персонал роддома, с согласия рожениц, ежедневно выделял поллитра донорского молока! Детеныши обезьян редко выживали в зоопарках, а гамадрильчик выжил!

Настоящим украшением зоосада была долгожительница – бегемотиха Красавица. В Петербург она прибыла в 1911 году. Красавица была самым крупным бегемотом, живущим в зоопарках Европы. До середины тридцатых годов за ней присматривал рабочий Иван Антонов, а потом на смену пришла его дочь Евдокия Ивановна Дашина. Еще в 1935 году немецкая фирма Гагенбека предлагала за пышную бегемотиху пару бегемотов и бесплатную транспортировку в Германию, но получила отказ.

Красавица боялась взрывов бомб, грохота падающих зданий и пожаров. Всякий раз она пряталась в углах теперь уже сухого бассейна. Воду в бассейне давно выпустили, поскольку он не отапливался, и вода замерзала. И тогда бегемотиха заболела. Евдокия Ивановна спускалась к ней в бассейн, гладила, успокаивала. Но этого было недостаточно, ведь бегемоты много времени должны проводить в тёплой воде, иначе кожа начнет трескаться и кровоточить. Так оно и случилось. И тогда Евдокия Ивановна стала каждый день ходить на реку Неву. Бочку в сорок ведер она привозила на санях! Грела воду на костре, обливала свою любимицу, наполняла бассейн, смазывала складки кожи камфарным маслом, которого уходило по килограмму в день. Греть воду приходилось постоянно,

Е.И. Дашина у бегемота Красавица. 1943 год

поскольку вода на морозе быстро остывала. Скоро бегемотиха пошла на поправку, кожа зажила. Теперь во время обстрела Красавица скрывалась в водяном бомбоубежище.

Но чем кормить бегемота? Где добывать 30–40 кг водных трав ежедневно? Красавицу кормили скошенной травой, овощами и жмыхом, зимой размоченным сеном, добавляя в смесь 30 кг распаренных опилок, чтобы заполнить её огромный желудок. И бегемота спасли! Благодарная Красавица перенесла блокаду и дожила до 1951 года. Она долго радовала детишек и заботливых сотрудников, переживших вместе с ней тяжелые времена. После её смерти ветеринары при осмотре никаких хронических болезней не обнаружили. Оказывается, старушка умерла согласно возрасту. Работники зоосада восхищенно восклицали: «Вот она, блокадная закваска»!

В самую страшную зиму 1941–42 годов зоосад закрылся для посетителей. Да и вряд ли кто-нибудь из людей тогда дополз бы до зверинца. Но уже весной 1942 года работники своими силами восстановили разрушенные загоны и вольеры, расчистили дорожки. И вот 8 июля произошло радостное событие – торжественно открылся зверинец, доказывая всему миру, что врагу не сдаётся блокадный Ленинград.

Демонстрировались тогда 162 животных. Трудно поверить, что за лето его посетили 7400 человек!? В 1943 году звериный сад открывался только летом, а в 1944 работал круглый год. В 1943 году, поразительным образом, началось пополнение коллекции за счет местных животных. Так в мае месяце из густых лесов вышел медвежонок, его назвали Потапом, а в июне прибилась его сестрёнка Маня. Мамашу медведицу, скорее всего, съели, а может быть, её убило во время бомбёжки: на подступах к Ленинграду в это время шли ожесточённые бои. В 1944 году заработало отопление, и тогда в единственном отапливаемом помещении зоосада соорудили обширный аквариум, где хорошо себя чувствовали выловленные самими работниками в местных водоёмах ерши, бычки, пескари, окушки и плотвички. Ребятишки, прожившие в блокадной изоляции больше трёх лет, впервые увидели живых рыбок.

В зоосаде работал театр зверей «Кротон». Дрессировщики И.К. Раевский и Т.С. Рукавишникова с медвежатами, собачками, обезьяной, лисицей, козликотом радовали своими выступлениями раненых бойцов и ребятишек детских домов. Так об этом вспоминал сын дрессировщиков Костя Раевский:

«На импровизированной сцене появлялась свинка и раскатывала носом дорожку – афишу с надписью «Зоосад». Представление начинала выходящая «на поклон» собака Монча – лайка, ездовая, охотничья и вместе с тем сторожевая собака. Ее представляли так: «Это наша лучшая ученица. Она никогда не опаздывает на уроки и аккуратно переходит дорогу». И Монча, посмотрев налево, а потом направо, важно шествовала на задних лапах, держа в зубах портфель. «А сейчас звери покажут, как они переходят лесную речку по поваленному дереву!» – говорила дрессировщица, и по ее команде енот и козлик пускались в путь по узкой речке. Сев на свои места, они кланялись публике и поднимали флажок. Номеров было много. Лиса прыгала через обруч, на котором сидел петух. Шпиц Мишка катал коляску с кроликом, такса Милочка и дворняжка Тузик вальсировали. Медвежонок плясал вприсядку. Животные прыгали через барьеры, качались на качелях, разыгрывали сценки из сказок и басен».

Может быть покажется жестоким подвергать дрессировке ослабленных голодом и травяной диетой животных? Однако, ответ очевиден: дрессировщики работали для блокадных детей, чтобы отвлечь их от постоянного чувства голода, ради улыбок на истощённых лицах маленьких зрителей. Дети долго не отпускали четвероногих артистов. Каждому хотелось погладить и рассмотреть их поближе, ведь многие ребята никогда не видели животных: в те годы в городе не было ни собак, ни кошек.

Кто они, самоотверженные защитники диких зверей? Их было немного – около двадцати человек. Они жили прямо в зоосаде, чтобы быть ближе к своим питомцам и в любой момент их защитить, ведь в умирающем городе было много желающих поживиться мясом: на зоосад часто напали обезумевшие от голода люди. Приходилось своими силами охранять зверей. Домой никто не уходил: там было темно и холодно, да и многие дома разрушены. А здесь они жили дружной семьёй единомышленников, здесь же все вместе они встретили долгожданную победу. Шестнадцать сотрудников награждены медалью «За оборону Ленинграда». Любимых зверей: бегемота Красавицу, антилопу-нильгау Маяка, медведя Гришку, черного грифа Верочку, да и остальных обитателей работники зоосада считали «жителями блокадного Ленинграда». И это правильно: птицы и звери и в самом деле были блокадниками, пережившими лишения и тяготы войны наравне с людьми.